

РАЗДЕЛ III. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. В. Тихомиров

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ЭТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И КРИТИКА Д. И. ПИСАРЕВА

Известный «разрушитель эстетики», гонитель «чистой красоты» и всего, не приносящего непосредственной пользы, Д. И. Писарев, несомненно, имел собственные представления о сущности и назначении искусства, о месте литературы в жизни общества, о природе и значении литературной критики. Следовательно, у него были свои эстетические принципы, своя эстетика, если под эстетикой понимать учение о чувственно воспринимаемой системе ценностей, прежде всего духовных. Аксиологическое понимание природы художественного творчества не было открытием Писарева или его непосредственных предшественников: ещё с античных времён сохранились два основных принципа критического анализа литературных текстов, определившие разнообразие и систему критических методов. Первый из них, старейший, – нормативный принцип, по существу имманентный, имеющий дело лишь с текстом произведения и допускающий грамматический, стилистический, эстетический и другие приёмы, основанные на представлении об идеальной художественной норме как критерии и точке отсчёта в критическом анализе.

Второй принцип – анализ «по поводу» произведения, имеющий в виду его ангажированность, способность воздействовать на социум, на духовный мир реципиента, на его мирозерцание. Этот принцип лежит в основе критики социологической, исторической, психологической, публицистической, религиозной. Названные способы критического анализа соответствуют определившимся в античности филологическому и философскому методам критики и обладают по отношению к другим, конкретным видовым приёмам признаками рода. В то же время между филологическим и философским критическими методами нет и не может быть абсолютной грани, более того, вся история европейской эстетической и критической мысли, начиная с Платона, выдвинувшего идею единства красоты и блага, демонстрирует стремление к синтезу, к тому, чтобы на основе указанных принципов создать универсальный критический метод целостного анализа художественного произведения. На практике, как правило, в критике наблюдается крен в ту или другую сторону.

В названной парадигме критических методов развивалась в XIX веке и русская литературная критика во всех её разновидностях, в том числе критика, с лёгкой

руки Н. А. Добролюбова получившая наименование «реальной», которая на протяжении нескольких десятилетий была в России, наверное, самой известной и авторитетной. Её составной частью и была критика одного из самых радикальных русских мыслителей и литераторов 1860-х годов Д. И. Писарева, выстраивавшего свою литературно-критическую позицию на достаточно прочном, как ему казалось, научном фундаменте и предлагавшего свою программу социально активного, этически направленного литературного творчества и, соответственно, литературной критики.

Писарев не создал целостной мировоззренческой доктрины, его философская и социально-политическая позиция отличается адогматизмом и даже релятивностью. В его мировоззрении, определяемом как «реализм», обнаруживаются черты позитивизма, естественнонаучного материализма, антропологизма, утопического социализма, социального дарвинизма. Сам Писарев называл в качестве предшественников и творцов близкого ему реального мировоззрения («положительной науки», по его терминологии) Г. Галилея, Р. Декарта, Ф. Бэкона, И. Ньютона, К. Гельвеция, французских энциклопедистов, Л. Фейербаха, Ш. Фурье, Р. Оуэна, П. Леру, Г. Штейнтеля, О. Конта, Г. Гейне, Т. Маколея, Л. Бюхнера, Я. Молешотта, К. Фохта, И. Тэна, Дж.-Ст. Милля, Г. Бокля, Т. Гексли и других, менее известных. Из русских писателей и мыслителей он выделял Грибоедова и Гоголя (понимаемого по Белинскому), Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, и, как это ни странно, А. А. Григорьева, которого Писарев ценил за «очень живые проблески мысли и чувства» (3; 140).

Отношение Писарева к Григорьеву – показатель того, что критик-реалист, сугубо прагматически относившийся к различным социально-философским концепциям, воспринимал и впитывал всё, что было для него близким и истинным. Он мыслил по принципу «не сотвори себе кумира», ни одного социального или философского учения не принимал за окончательную истину и выстраивал свою позицию как симбиоз разных, порой взаимоисключающих теоретических посылок. Релятивизм и эклектика вообще были характерны для позитивистских представлений о человеке и обществе, да и сам позитивизм не был сколько-нибудь стройным и последовательным учением, не случайно сильно отличаются французский, немецкий и английский его варианты.

Писарев неоднократно высказывался против догматизма какой-либо идеологической доктрины. В упомянутой статье «Схоластика XIX века» он пишет: «Строго проведённая теория непременно ведёт к стеснению личности, а верить в необходимость стеснения значит смотреть на весь мир глазами аскета и истязать самого себя...» (1; 116). Позднее, в «Реалистах» (1864), критик заметил, что «столкновение и борьба враждебных сил в области мысли всегда приводят за собою... плодотворное примирение в высшей сфере более широкого синтеза» (3; 99). В качестве примера такой внутренней борьбы противоречий Писарев приводит творчество глубоко уважаемого им Г. Гейне – «цельное выражение... невольного и неизбежного разлада полутрагического, полукомического, который существует между нашими заветными желаниями и нашими... поступками» (3; 102). Гейне «даёт мыслителям нашего времени целые рудники материалов для самых глубоких психологических наблюдений и исследований». У него «грязь переме-

шана... с алмазами» (3; 101). Именно с увлечением творчеством Г. Гейне Писарев связывает «довольно крутой поворот» в своём мирозерцании, произошедший в 1860 году, когда, как признаётся критик, «всякую чистую художественность я с величайшим наслаждением выбросил за борт» и перешёл к «последовательному реализму и к строжайшей утилитарности» (3; 139). В 1865 году в статье «Роман кисейной девушки» он утверждает: «Хорошую теорию прав, обязанностей и отношений составить очень трудно, а плохая теория гораздо хуже, чем полное отсутствие всякой теории» (3; 192). По мнению современного исследователя Б. А. Старостина, писаревский «реализм отрицает системообразование», а «упорная бессистемность не дала себя преодолеть» на протяжении всей его литературной деятельности (3 : 32, 63).

Однако это вовсе не значит, что Писарев противник какой-либо жизненной программы или системы ценностей. Практически через всё его литературно-критическое творчество проходит центральная мысль о защите человеческого достоинства. Идея личности стала определяющей в отношении критика к искусству, к литературе, ко всей сфере духовной, социальной и материальной жизни человека. Она повлияла и на его эстетическую программу. Именно этика становится основой мирозерцания Писарева и прослеживается во всех его публицистических, литературно-критических и научно-популяризаторских статьях и приобретает некоторые качества доктрины, хотя не достигает стройной завершенности. Доминирование в мировоззрении критика этической программы определило его специфическое отношение к искусству как эстетизации идей, популяризации и пропаганде всего того, что полезно и необходимо для прогресса, для человека.

В студенческие годы представления Писарева об искусстве были близки гегелевской эстетике. Об этом свидетельствуют его критические статьи, печатавшиеся в журнале «Рассвет» (об «Обломове» И. А. Гончарова, о «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева и др.). Однако уже здесь можно заметить тенденцию позитивистских представлений о художественном творчестве, проявляется мысль о прямой зависимости формы от содержания, а также преимущественный интерес к фактам, «засвидетельствованному самою жизнью» и отразившимся в литературном произведении (1; 78). В творчестве современных писателей Писарева интересуют главным образом этические проблемы, связанные с положением человека в обществе, с воспитательным процессом.

Трансформация представлений Писарева о сущности искусства, об эстетике стала чётко проявляться в статье «Схоластика XIX века» в 1861 году. Главной задачей литературы объявляется «гуманизация» «общечеловеческими идеями» русского общества, чему должна способствовать и литературная критика. Культ свободной, разумной, самодостаточной личности, живущей по правилам «практической нравственности», утверждается в этой статье в противовес этике традиционной, которая опирается на «существующие формы, освящённые веками и потому подёрнувшиеся вековою плесенью» (1; 111).

Основная функция искусства, по мнению Писарева, – познание человека и защита человека, эти его роли неразрывно связаны. Развивая традиции просветительского понимания личности в её социально-утопическом варианте, критик утверждает: «Человек от природы существо очень доброе, и если... не требовать

от него неестественных нравственных фокусов, то в нём естественно разовьются самые любовные чувства к окружающим людям, и он будет помогать им в беде ради собственного удовольствия, а не из сознания долга» (1; 120–121). По сути дела, это первая формулировка будущей теории разумного эгоизма, появившаяся за несколько лет до романа Чернышевского «Что делать?», основанная на принципах новой этики и противостоящая господствующей «философии жизни», в соответствии с которой, как подчёркивает критик, «мы живём и развиваемся под влиянием искусственной системы нравственности» (1; 122). Больше всего возражений у Писарева вызывают господствующие в современном обществе требования подчинения личности долгу, альтруизм и аскетизм. Он считает, что «полнейшее проявление человечности возможно только в цельной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служением разным идеалам» (1; 130). Естественная потребность служить «насущным нуждам общества» относится и к художественному творчеству: «Замечательный поэт откликнется на интересы века не по долгу гражданина, а по невольному влечению, по естественной отзывчивости» (1; 157).

Писарев понимает, что искусство всегда этически заряжено, но не принимает его традиционный «заряд», предполагающий преимущественный интерес к ценностям, основанным на христианских представлениях о самоограничении и самосовершенствовании личности. Подобное искусство отвлекает от дела, от социальной роли, не уживается с разумным эгоизмом. Порицая традиционную этику, Писарев «почти всегда сворачивает на эстетику и художественные ценности» (3 : 23), потому что ему необходимо другое искусство, которое соответствовало бы новой этике. Поэтому критик постоянно подчёркивает наличие мелких корыстных интересов у героев современной русской литературы, что демонстрирует её несостоятельность (за немногими исключениями). Как считал С. Л. Франк, для Писарева «искусство допустимо лишь как внешняя форма для нравственной проповеди» (4 : 83).

Этическая проблематика в статьях Писарева многопланова: его интересует не только свобода личности и возможность самореализации человека в социуме, но и вопросы воспитания, эмансипация женщины, взаимоотношения в семье – всё, что относится к интересам человека, а посредством этого – и общества. Критик ставит вопрос о необходимости показать в литературе образ «сильного человека, проникнутого идеями общечеловеческой цивилизации» (1; 176) и тем самым фактически предсказывает характер Базарова, который вскоре появится в романе Тургенева. Писарев даже формулирует программу поведения будущего героя-деятеля, основанную на началах эгоизма как самосознания и самоутверждения: «Отсутствие нравственного принуждения – вот единственный существенный признак эгоизма <...> Эгоизм – система умственных убеждений, ведущая к полной эмансипации личности и усиливающая в человеке самоуважение» (1; 186).

До середины 1860-х годов Писарев ещё сохранял некоторое равновесие в представлениях о сущности искусства. С одной стороны, он признаёт, что «в изящной словесности да в критике на художественные произведения сосредоточилась вся сумма идей наших об обществе, о человеческой личности», что писатели «стали облекать идею в образы» (1; 192, 193). В то же время «умение передавать, или виртуозность формы, сама по себе не может сильно и обаятельно подействовать

на читателя <...> в стихах, как и в прозе, прежде всего нужна мысль <...> то, что лишено мысли, никогда не произведёт сильного впечатления» (1; 194, 195). Объективное творчество, по мнению критика, устарело, «эпическая поэзия в чистом виде своём теперь невозможна <...> рассказчик должен раскрыть перед читателем свой процесс мысли» (1; 199). Критик понимает искусство лишь как монологическое выражение авторской идеи в специфической образной форме.

Кроме требования свободы личности, этика Писарева предполагает сознательное участие каждого человека в полезной деятельности, направленной на его собственные интересы, а через них и на интересы общества. Труд – основа жизни человека, но свобода личности зависит от освобождения трудового процесса от всякого насилия. «Присвоение чужого труда», как и другие ненормальные проявления недоразвившейся цивилизации, не должны и не могут «продолжаться вечно», – замечает критик в 1863 году (2; 286, 287). Для освобождения личности и повышения благосостояния людей необходимо соединение знания и труда, необходимо направить «силы ума» на «настоящее дело» (2; 323).

Первое произведение русской литературы, которое почти полностью соответствовало требованиям Писарева-реалиста, так же как и его главный герой, – несомненно, роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). В статье «Базаров» даётся неожиданная для критика высокая оценка литературных достоинств романа. Рецензент утверждает: «Художественная отделка безукоризненно хороша; характеры и положения, сцены и картины нарисованы так наглядно и в то же время так мягко, что самый отрицатель искусства почувствует при чтении романа какое-то непонятное наслаждение». Важно, что «сквозь ткань рассказа сквозит личное, глубоко прочувствованное отношение автора к выведенным явлениям жизни» (2; 7). Писарев сохранил тонкое понимание эстетических ценностей литературного произведения, но редко использовал их в своей критической практике, считая эти качества непростительной роскошью и фактически вступая в противоречие с собственным отрицанием аскезы и утверждением права человека на жизненные радости.

Основное достоинство романа «Отцы и дети» Писарев видит в том, что Тургенев, наблюдая со стороны характер нигилиста («он смотрит на нас» – подчёркивает критик, констатируя близость литературного героя к себе и своим единомышленникам), даёт возможность читателям глубже понять персонаж, представляющий новое мировоззрение, явно не приемлемый самим писателем, но интересный ему как «представитель нашего молодого поколения». По его мнению, Базаров законченный тип разумного эгоиста, почти полностью совпадающий с представлениями критика о подобном характере. Базаров «везде и во всём поступает только так, как ему хочется или как ему кажется выгодным и удобным» (2; 11). Все эти высказывания о тургеневском герое близки неоднократно сформулированным ранее представлениям Писарева о норме поведения современного человека, о новом мировоззрении. Автор статьи утверждает, что в Базарове «личность достигает полного самоосвобождения, полной osobности и самостоятельности» (2; 21). Он даже несколько выпрямляет характер тургеневского героя, не обращая внимания на его «самоломанность», на драматическое противоречие чувства любви к Одинцовой его прежней жизненной философии.

Представления Писарева о сущности и достоинствах литературного творчества остаются подвижными и зависят от конкретной оценочной ситуации и целевой установки критика. В статье «Цветы невинного юмора» (1864) высоко оценивается творчество А. Ф. Писемского, которое «потрясает всю нервную систему читателя неотразимым впечатлением ужасающей действительности <...> когда он (Писемский. – В. Т.) даёт сырые материалы... читателю приходится задумываться очень глубоко» (2; 342, 343). Таким образом, признаётся художественная значимость самого жизненного факта, воспроизведённого в его подлинности, помимо авторской рефлексии: «Рассказ должен производить на нас то же впечатление, какое производит живое явление» (2; 347). И лишь в виде исключения делается уступка тем «человеческим организмам», «для которых легче и удобнее выражать свои мысли в образах, если в романе или в поэме они умеют выразить новую идею, которую они не сумели бы развить... в теоретической статье» (2; 360).

Позитивистские принципы, утверждающие приоритет эмпирических основ и познавательной функции художественного творчества, повторялись Писаревым неоднократно. В этом отношении статью «Реалисты» (1864) можно считать подлинным исповеданием веры Писарева. Здесь его мирозерцание, включая представление о сущности искусства, приобрело наибольшую полноту и последовательность. Статья – своего рода трактат о новой этике, о жизненных принципах новых людей, реалистов, об их отношении к другим людям и к обществу. Провозглашается культ разума и пользы. Искусство, эстетика этому противоречат, а потому «реализм должен радикально истребить эстетику, которая в настоящее время отравляет и обесмысливает все отрасли нашей научной деятельности» (3; 58). Критерием оценки при противопоставлении реализма и эстетики как альтернативных жизненных позиций опять становится этика, поскольку в основе обоих идейных и поведенческих принципов Писарев видит самоутверждение личности, человеческого я: «Как все люди... эстетик и реалист – оба вполне эгоисты. Но эгоизм эстетика похож на бессмысленный эгоизм ребёнка. А эгоизм реалиста есть сознательный и глубоко расчётливый эгоизм зрелого человека». Их различает «существование... высшей руководящей идеи у последовательного реалиста и отсутствие такой идеи у эстетика <...> Это – идея общей пользы» (3; 63).

Писарев признаётся, что свои «реалистические» размышления о науке и искусстве он основывает на идеях трактата П. Леру «О человечестве», решительно отвергающего искусство за его эпикурейский характер. Вслед за французским социалистом он декларирует принцип такого реального мировоззрения, который «безусловно презирает всё, что не приносит существенной пользы» (3; 92). Утилитарная программа искусства проявляется у Писарева и в том, как он определяет соотношение двух важнейших категорий творчества – содержания и формы, и соотношение это понимается критиком отнюдь не в плане художественности: «... внимание читателей безраздельно направляется на содержание, то есть на мысль. От формы требуют только, чтобы она не мешала содержанию... чтобы тяжёлые и запутанные обороты речи не затрудняли собою развитие мысли» (3; 120). Мы видим, что само понятие формы сужается до требования простоты и прозрачности стиля.

Эстетическое Писарев воспринимает как сферу «приятных ощущений» и, вульгаризируя представления о роли прекрасного в жизни человека, утверждает,

что «между наслаждением живописью, скульптурой и музыкой и наслаждением яблоками... никакого существенного различия» (3; 471). Исключение делается для литературы, которую можно превратить в «орудие реализма», потому что «нет того мирозерцания, нет того взгляда на общественные отношения, которого нельзя было бы выразить самым убедительным и увлекательным способом в поэтическом произведении» (3; 480).

В соответствии со своими представлениями о сущности и задачах литературы критик оценивает творчество А. С. Пушкина. В цикле из двух статей «Пушкин и Белинский» (1865) он с позиции свободного, деятельного, передового человека ополчился на Пушкина, упрекая его в том, что его герои и сам автор далеки от прогрессивных нравственных идеалов. Досталось и Белинскому, который, по мнению Писарева, оценивал пушкинское творчество исключительно с эстетических позиций. При этом критик замечает, что «шелуху гегелизма надо соскабливать с сочинений Белинского» (3; 378).

Критические статьи и рецензии Писарева 1864–65 годов продолжили актуализацию этической проблематики. Критик требует от писателей не только порицания существующего в современном обществе зла, но и изображения «самосознания и энергии, которые дают нам право рассчитывать в будущем на облегчение нашего общественного горя» (3; 278). У Писарева появляется, при некоторой релятивности и ситуативности конкретных оценок художественных произведений, общая установка на утверждение с помощью литературы и литературной критики своего рода идеологической истины, по сути дела установка на партийный принцип художественного творчества. Он утверждает, что «назначение литературы состоит в том, чтобы быть самосознанием общества, чтобы связывать единством общих руководящих идей разрозненные умы отдельных личностей» (3; 281). Это высказывание уже напоминает утверждение монополии на истину, хотя сама истина ещё не сформулирована.

Наиболее показательными для выяснения эстетических и литературно-критических взглядов Писарева можно считать его статьи 1865 года «Разрушение эстетики» и «Мыслящий пролетариат». Обе они являлись откликами на произведения Н. Г. Чернышевского: первая – рецензия на второе (анонимное) издание диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», вторая написана по поводу романа «Что делать?». И эстетическую программу, и художественное творчество Чернышевского Писарев воспринял как изложение близких для него воззрений. В том и другом случае он укрепился в правоте собственных позиций, комментируя взгляды своего предшественника, развивает и подтверждает свою позицию, прежде всего этическую составляющую художественных ценностей, идею достоинства человеческой личности. Как и Чернышевский, Писарев уверен, что «искусство ни в каком случае не может создавать свой собственный мир... оно всегда принуждено ограничиваться воспроизведением того мира, который существует в действительности» (3; 433).

Отсутствие объективных художественных критериев оценки произведений искусства создаёт возможность субъективного произвола для критики и переноса обсуждения достоинств произведения исключительно в плоскость мирозерцания, без учёта содержательной составляющей художественной формы. Писарев

явно ограничивает возможности эстетической критики, когда утверждает, что сторонники эстетики могут судить «только о форме», в то время как «мыслящий человек» «судит о содержании» (как будто эстетическая критика в своих суждениях игнорирует смысл и содержание художественного образа).

Статью «Мыслящий пролетариат» можно считать кульминационной точкой литературной критики Писарева. Восприняв роман «Что делать?» как своего рода собственное исповедание веры, критик в наиболее откровенной форме высказал свою позицию о новой этике, новом литературном персонаже (что для него было равнозначно характеру нового общественного деятеля). Критик ставит персонажей «Что делать?» в один ряд со своим любимым Базаровым и указывает на общие источники формирования их характеров и мировоззрения: это приобщение к достижениям современной науки и постоянный труд. Писарев приветствует пропагандируемую в романе программу социального устройства, которая опирается на этику разумного эгоизма. Его оптимизм по отношению к человеческой природе безграничен: он уверен, что «в жизни новых людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием» (4; 18). Человеческий индивидуум в том его облики, каким он видится Писареву, по существу, сакрализуется. Критик утверждает, что «сам человек для самого себя дороже всего на свете», что новый человек «получил право знать себе настоящую цену и видеть, что цена эта не мала» (4; 19, 20).

Писарев не скрывает, что он противопоставляет новую этику христианской: «Новые люди не грешат и не каются; они всегда размышляют и потому делают только ошибки в расчёте, а потом исправляют эти ошибки и избегают их в последующих выкладках. У новых людей добро и истина, честность и знание, характер и ум оказываются тождественными понятиями» (4; 24). Провозглашая гимн человеческой природе на основе характеристики персонажей романа «Что делать?», критик не забывает похвалить сам роман как проявление верного направления литературы: он воспринимает поэтизацию идей, поэзию ума, характеризующие творческий метод Чернышевского.

В последующих критических статьях Писарева преобладает отношение к художественному произведению как к документу, содержащему определённую информацию о жизни человека в социальной среде. Поэтому статьи его напоминают социально-психологические трактаты, излагающие «социальную науку» или «анатомию общества» (4; 86). Именно так оценивает критик «Записки из Мёртвого дома» и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Войну и мир» Л. Н. Толстого и другие произведения современной ему русской литературы. Он совершенно игнорирует авторскую позицию в произведении, более того, утверждает, что «отсутствие убеждений и неумение размышлять вменяются даже в особую заслугу... поэтам и называются ... высокой объективностью и... любовью к явлениям жизни» (4; 294). В то же время в статьях Писарева сохраняется важнейший для него антропологический принцип – защита человека. Культ разумной, нравственной личности приобретает у Писарева титанический масштаб. В статье «Генрих Гейне» (1867) он утверждает, что титаны являются движущей силой человечества, и различает три типа титанических личностей: «титаны мысли» (учёные, философы), живущие поисками истины; «титаны любви», энтузиасты, лидеры, становящиеся «во главе всех великих

народных движений, религиозных и социальных»; «титаны воображения» – художники, которые «облекают в... яркие формы те идеи и страсти, которые... волнуют их современников» (4; 211, 212). Функции художников, как видим, сводятся лишь к оформительству и не предполагают генерации идей.

Что касается этического содержания художественного творчества, то сакрализация человеческой личности у Писарева достигает уровня устройства новой рациональной религии, основанной исключительно на нравственных ценностях разумного эгоизма, лишённой всякой метафизики. Этому культу соответствуют и представления критика об искусстве, поскольку всякое религиозное искусство ангажировано, имеет проповеднический характер, всякая религиозная проповедь немыслима без этической направленности, приобретающей эстетическую ценность. Подобную цель и преследовал Д. И. Писарев, утверждая свои, опирающиеся на этику, представления о художественном творчестве и, соответственно, о литературной критике. С. Л. Франк ещё в 1909 году отметил, что для Писарева «искусство допустимо лишь как внешняя форма для нравственной проповеди» и что доходящая до фанатизма «страстная преданность излюбленной идее» у него сродни религии (4 : 83). И. И. Виноградов в 1979 году утверждал, что на место Бога Писарев ставит человека, от разума и поведения которого зависит всё в мире (1 : 60).

Библиографический список

1. Виноградов И. И. Испытание Писаревым // Виноградов И. И. Духовные искания русской классики. М., 1987.
2. Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. М., 1955. В тексте даются ссылки на данное издание с указанием тома и страницы.
3. Старостин Б. А. Д. И. Писарев и формирование идеологического сознания русской интеллигенции // Мир Д. И. Писарева. Исследования и материалы. Вып. 3. М., 2005.
4. Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.

А. А. Виноградов

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ВТОРИЧНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В последнее время особое внимание уделяется изучению истории русской литературной критики, эволюции жанров и направлений, особенностей мировосприятия отдельных ее представителей. Гораздо скромнее на этом фоне выглядят теоретические основы предмета. Ученые нередко проецируют терминологический аппарат, созданный наукой о литературе, на почву критики. При этом некоторые положения до сих пор требуют уточнений. Одним из таких элементов является литературно-критическая образность.

В теории русской критики образность принято называть «вторичной», так как в статье «обычно не рождается совершенно новый образ, а используется либо